

Сегодня. - 1994. - 19 мая. - С. 10

Бычья цедура

Ровно 130 лет назад в Петербурге казнили Чернышевского

Вячеслав Курицын

акануне вечером, 18 мая 1864 года, Александр Николаевич Тихомиров, алкоголик без чина и родословной, неожиданно узнал, что у него есть совесть. Предыдущие тридцать четыре с хвостиком года он прожил в полном неведении относительно этого загадочного предмета. Упомынутым вечером он зашел в родной кабачок на Каретной и сел за любимый столик в дальнем углу (вы знаете этот столик: тот, что возле огромного рододендрона). Чуть позже к нему присоединились два нечистых полужнакомых мешанина, один из которых и обронил в разговоре, что завтра утром на Мытнинской площади казнят некоего поджигателя Чертыховского. Александра Николаевича передернуло. Он понял, что речь идет о Н. Г. Чернышевском.

Когда Тихомиров лжесвидетельствовал в Легитимном Приказе против Чернышевского, утверждая, что именно НГ был главным учредителем прошлогоднего грандиозного пожара (унесшего порядка сотни домов, несколько десятков жизней и опалившего хвост росинанту Медного Всадника), он был уверен, что его жертву не казнят. Директор Приказа Вежин сообщил Тихомирову, что Чернышевского лишь припугнут: приговорят к виселице, но потом Государь дарует шепутному гражданину помилование. «Всегда так делается, — пояснил Вежин. — Обычная процедура». «Бычья цедура?» — рассеянно переспросил Александр Николаевич, но ответа не удостоился. Он получил свою чечевичную похлебку: сто рублей серебром и сахарную голову. Голову он в тот же вечер подарил какой-то старой стриженной проститутке. Деньги пропил со случайными приятелями. Бычья цедура.

Теперь, узнав, что Чернышевского казнят, Александр Николаевич схватился за сердце. Допустим, что совесть находится в сердце. Тихомиров не колебался ни секунды. Или почти не колебался. Ноги уже выносили его на улицу, а в медленной голове еще только формулировалось решение: отказаться от ложных показаний, объявить себя клятвопреступником и даже провести остаток жизни на каторге, но спасти невиновного человека. Все это Александр Николаевич и выворотил на стол в Легитимном Приказе. Его вежливо выслушали, пообещали принять к сведению и раскланялись. Через 20 минут Тихомиров попал под лошадь. Попал насмерть. Я не думаю, что это было убийство. Просто звезды в тот год были на стороне предержащих.

Несмотря на ранний час, на казнь пришло поглазеть человек триста. Плотники всю ночь тупили топоры о виселицу. На груди Чернышевского болталась табличка «Государственный преступ» (комментатор добавляет: «последний слог не вышел»; я склонен считать, что он не вошел). Палач деловито теребил петлю. По законам Россий-

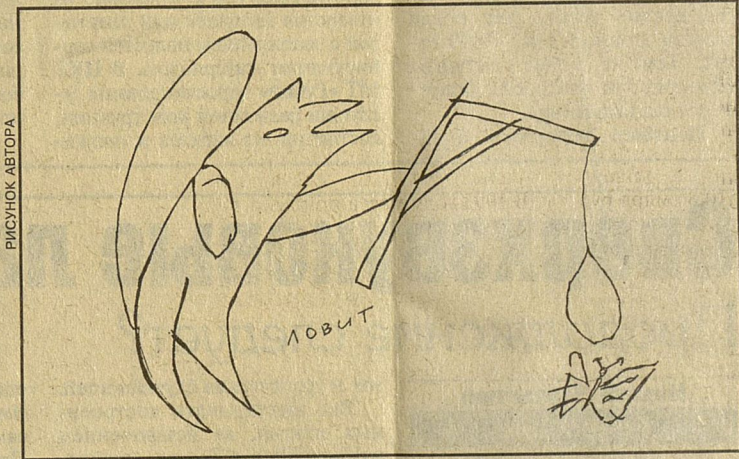
ской империи свидетели публичной казни обязаны пройти мимо казнимого и плюнуть ему в лицо. Двое из троих плевали, но третий бросал розы. К концу процедуры Чернышевский тонул в цветах. Вежин, лично почтивший, ради чего пришлось вставать ни свет ни заря, скрипел зубами. Покойник улыбался, пенсне блестело. За спиной стучалась вечная слава.

На табуретку НГ забрался сам, гордо отвергнув равнодушную помощь палача. На солнце напозла премомерзкая туча, похожая в профиль на сочинителя Достоевского. НГ перекрестился. Кто-то (кто?) отдал короткую команду. Палач крайне аккуратно, словно барчука собирая на бал, напялил на преступника петлю. Крикнула некая птица, палач буднично вышиб табуретку. В толпе кто-то закричал.

Веревка оборвалась. Палач покраснел, чего, впрочем, никто не заметил. Вежина вырвало дрянным словом. НГ грохнулся на помост. Публика подавилась вздохом. Какой-то голубь, ошалеv от грома молчания, резко изменил курс и, не совладав с элеронами, вбилсь в стену соседнего дома. Без жертв, то есть, в этот день все равно не обошлось.

кую любовь. За жесты надо отвечать. Так, выйдя из последнего кадра «Римских каникул», Грегори Пек все ж таки сочленился с Одри Ростовской. История никогда не заканчивается. Пятнадцать лет Ольга Сократовна ждала НГ у Илимского острога. Виделись один раз в месяц, очень издали, когда Чернышевского выводили на охоту на маральными рогами. Дай бог каждому из вас, милые читатели, чтобы вас кто-то нибудь ждал хотя бы две недели. Через пятнадцать лет они приехали на поселение в Иркутск. НГ настолько ослаб, что собрался умирать. Два года Ольга Сократовна поила его с ложечки облепихой. После этого он встал и сочинил три знаменитые книги «Что делать?», «Пролог» и «Асю», которую лет сорок приписывали Тургеневу. В 1896 году они родили сына (сын, разумеется, стал поэтом и написал популярные строки «Вверху одна горит звезда, мой взор она манит всегда»). Умерли они, может быть, не в один день, но Ольга Сократовна пережила Николая не на больше, нежели Мазина — Феллини.

Можно было истекать пафосом: после того, как НГ, пусть символически, убили, выдернули из жизни,

Его бы повесили вторично, когда бы не подлый прецедент с декабристами. Еще раз на такой фокус Россия не решилась. Вежин зашелся в кошмарном кашле, преступника повезли обратно в Петропавловку, публика пела «Марсельезу». Камеру Чернышевского уже успели занять Писаревым, никто не предусматривал возвращения трупа. Пока в крепости тасовали заключенных, НГ добрых полтора часа ждал во дворе в компании мрачных, уса-тых бобби. Ладно, во дворе: НГ томился около памятника Петру работы Шемякина. Взорный кашей на троне терзал эстетическое чувство, как один известный орел одну популярную печень.

Провалившуюся казнь заменили высылкой в Илимский острог. «Ты хочешь знать, кто я, что я, куда я еду...» — грустно бормотал НГ, когда сани сворачивали с Невского на Лиговку. Да, сани. В ту эпоху в России вряд ли бывало лето. Через два дня за НГ помчалась жена, Ольга Сократовна. До казни они не были идеальной парой, но великие события заставляют время течь куда-то внутрь, отрицая пафос и утверждая обыкновенненькую вели-

у него состоялась судьба. Состоялись книги и любовь. И, черт, как это все красиво, какая цепочка: прозябание — виселица — восторг. Память в коленях. Смотри не подавись.

Дохлая, дряхлая чепуха. Нет такой судьбы, нет такой революции, нет такого творчества и даже любви такой нет, ради которых можно было бы оправдать эту секунду ухода: пусть веревка лопнула, пусть какой заменили, но ты все равно там, девятнадцатого мая, в этой конкретной смерти. Дико странно любить друг друга за «получилось» — не получилось». Какая разница — плохие романы или хорошие, какая разница — коммунист или не коммунист. Лепет. Что останется навсегда, так это условленный день. Свидание под часами. Звонок, на который никто и ничуть не ответил. И сколько бы Грегори Пек не женился на Одри Ростовской, он все равно весь век обречен стоять в маленькой своей комнатке перед взбалмошной незнакомкой и ронять устало и безразлично: «Я бы на вашем месте обратился не к поэзии, а к пижаме».